

КАЖДОМУ СВОЁ — 3

*Шестьдесят третий день после всемирной катастрофы,
радиоактивные пустоши, 110 километров до точки входа
в склады Росрезерва, 17.05, время московское*

Медленно ползущий через грязно-бурую мешанину урагана вездеход вновь ударился о невидимое в бурлящем месиве препятствие и остановился, подрагивая под порывами мощного ветра. Сидящий в своем углу Овечкин скривился, сверяясь с хронометром скафандра, и бросил взгляд в ближайший иллюминатор. Не видно ни черта, все вокруг утонуло в беснующемся океане черного снега, хоть смотри, хоть не смотри — результат одинаков. И еще одно столкновение наглядно демонстрирует, что сидящему за штурвалом Порфирьеву из кабины видно ничуть не лучше. Хотя нет, сейчас вездеходом управляет Александр, бывший пожарный, а ныне старший техник Экспедиционного Корпуса — структуры, являющейся воплощением надежды на выживание их подземного отеля, в котором ни хрена нет. Экспедиционный Корпус! Антон невольно закатил глаза. Звучит настолько же громко, насколько жалко выглядит. Шестеро вояк плюс пара гражданских мужчин, не имеющих сколь бы то ни было полезной специальности, зато имеющих угрожающий уровень облучения, вот и вся рабочая сила. Толка от которой, помимо примитивных действий в стиле «подай-принеси-погрузи», ждать не приходится. Состав специалистов ЭК тоже не блещет: Владимир, совсем молодой пацан, проработавший техником на станции метрополитена то ли два, то ли три года; Александр, пожарный из ныне почившего МЧС; да сам Пор-

фирьев. Впрочем, Порфирьев не специалист, он командир ЭК, и это правильно, потому что специалист из него никакой! Настоящий специалист здесь только один — это Антон Овечкин, дипломированный инженер-механик с почти десятилетним опытом работы. Попавший в рабство к военной хунте, по-другому и не сказать. Впрочем, Дилара права, все могло обернуться гораздо хуже.

— Двадцать пять минут до интоксикации, — в ближнем эфире раздался рык Порфирьева. — Дальше тянуть опасно. Нужно разворачивать базу.

— Нас ураганом не снесет? — Лейтенант выразил общую мысль, с тревогой вглядываясь в ревущую за иллюминатором грязную круговерть. — Там на ногах не устоять! Может, подождем немного? Минут десять в запасе есть, у нас ни у кого интоксикация минута в минуту не наступает, у всех есть запас. Вдруг ураган утихнет?

— А если нет? — парировал Порфирьев. — Если не утихнет, ты успеешь развернуть базу под таким ветром, в снегу и за десять минут? Все, кто в экзокорсетах, на выход! Остальным ждать указаний. Тех — Варягу!

— Тех на связи! — голос молодого техника пробился через шипение помех.

— Подводи грузовик вплотную ко мне! — велел капитан. — Хам, заякоривай прицеп и отцепляй от грузовика! Сомкнем грузовик с прицепом под острым углом, пусть хоть как-то рассекает воздушный поток. Так базу разворачивать будет легче.

— Я под таким ветром не развернусь! — запаниковал молодой техник. — Машину водит из стороны в сторону!

— Я сам развернусь, — успокоил его Порфирьев, — держи машину на месте, сейчас приду!

Военные распахнули грузовой люк, и рев урагана усилился втрое. Четверка облаченных в экзокорсеты солдат неуклюже выбралась наружу, люк захлопнулся, и Овечкин остался один, если не считать упирающегося в ноги контейнера с базой. Почему военные не забрали контейнер с собой, было понятно: сперва им предстоит надежно закрепить вездеход на воздушной подушке и грузовик с прицепом, которым сейчас управляет молодой тех-

ник, после чего составить все это в некое подобие барьера на пути урагана. Непонятно другое: насколько успешно они смогут сделать это под порывами ветра, играючи раскачивающего многотонный транспорт. Лишь бы из-за этих действий ничего не перевернуло ураганом. За недели мытарств по превратившимся в радиоактивную пустошь просторам необъятной Родины Антон четко уяснил простое правило: если начинается по-настоящему сильный ураган, нужно бросать все и разворачивать технику мордой точно навстречу воздушному потоку. И поддерживать минимальную скорость, если есть возможность. Только так можно гарантированно избежать опрокидывания. Сейчас же Порфирьев собрался смыкать грузовик и прицеп друг с другом под острым углом. Антон, как инженер, понимал его замысел, но кто сказал, что ветер не сменится и не ударит внутрь этого рассекателя?

Вообще эта экспедиция началась и до этого момента проходила гораздо лучше его предыдущих злоключений. Инженеры и техники Брилёва сумели собрать из двух обычных грузовиков одни аэросани с прицепом. И то, и другое получилось здоровенное, каждое грузоподъемностью в двадцать тонн, и Овечкин испытывал сильные сомнения в том, что с таким грузом аэросани смогут идти по бесконечной радиоактивной свалке. Но умники Миронова заявили, что все рассчитано безошибочно, и если экспедиция будет беречь полозья аэросаней и прицепа, то они гарантируют работоспособность конструкции. Спорить с ними Антон не стал, лишь скептически ухмыльнулся про себя. Беречь полозья! Это как? На руках их через опасные места перетаскивать? Или третий глаз должен подсказывать водителю, где из-под черного снега, утопающего в черноте ядерной ночи, торчит какой-нибудь обугленный до черноты обломок пня или расплавленной бетонной балки? Это вам не за путепрокладчиком по комфортной пробитой дороге ехать, пока на улице еще тепло, нет снега и достаточно светло! Сейчас на поверхности в полдень так же темно, как в полночь! Он, Антон, это хорошо знает! Потому что сам каждую смену ползал по горному склону, пока монтировал кожух для ретранслятора и налаживал связь с внешним миром! Которую оказалось невозможно установить

как раз по причине наглухо забитой радиоактивной пылью атмосферы!

Но уникамы Миронова были уверены в своей правоте, и доводы Антона посчитали неубедительными. Мол, в голове колонны будет идти вездеход на воздушной подушке, он более маневренный и лучше управляется, ему обнаруживать и объезжать препятствия не впервой, так что грузовику с прицепом остается лишь двигаться по следам вездехода — «и все будет норм». Поначалу так и было. Порфирьев с пожарным вели вездеход, сменяя друг друга по мере усталости, когда глаза уставали вглядываться в висящую всюду бесконечную пылевую стену. За вездеходом двигался грузовик-аэросани с поставленным на полозья прицепом. Грузовиком управлял молодой техник, его менял бывший спортсмен-армянин, которому от Абрека достался радиопозывной «Весло». Почему «Весло»? Элементарно — потому что армянин в прошлом КМС по спортивной гребле. Овечкин в который раз мысленно закрыл лицо рукой. Вот что значит, когда власть попадает в руки дебилам в военной форме. Упивающийся своей всесильностью Абрек не пожалел даже своего, и лейтенант получил позывной «Хам» всего лишь потому, что имел неосторожность иметь имя Хамиль. В том, что кровожадный головорез Абрек был уникально психически болен даже для вояки, Антон не сомневался.

К слову, второй гражданский активист из их команды получил от головореза позывной «Дно». За то, что посмел не иметь полезных навыков, ибо в прошлом был видеоблогером и специалистом по маркетингу в сети. Причем не самым плохим. Как выяснилось, Антон даже смотрел некоторые его подкасты и находил их достаточно интересными. Но из-за осунувшегося внешнего вида вкупе с недельной щетиной, да еще в респираторе, узнать его не смог, что неудивительно. Теперь Дно пытается в буквальном смысле на ходу осваивать навыки управления грузовиком. До войны он предпочитал использовать автомобили с автопилотом и сам водил слабо. Но винить его за это Антон бы не стал, потому что так поступало большинство людей, работающих в сети. Умнее заниматься делами в интернете, пока автопилот твоего автомобиля ползет через очередную

московскую пробку, чем бездарно тратить это время на протирание руля ладонями. Он сам-то водил машину самостоятельно лишь потому, что жил недалеко от работы, и оплачивать подписку на автопилот было невыгодно. Ехать было недалеко даже через пробку, которая всегда образовывалась на выезде из офиса в одно и то же время. Поэтому на углубленные навыки управления автотранспортом Антон не претендовал и наотрез отказался вести грузовик, когда Порфирьев предложил ему сделать это. Еще не хватало врезаться во что-нибудь в этом бесконечном океане пыли и стать козлом отпущения. Вояки и так делают его крайним по поводу и без такового. Его дело — разбираться с высокотехнологичной техникой. Для этого Экспедиционному Корпусу и понадобился Инженер, не так ли?

К счастью, Порфирьев это понимал и заставлять Антона не стал. После того как Овечкин воплотил в чертежи и расчеты его план по созданию возле входа в «Подземстрой-1» внешнего ангара, отношение амбала к Овечкину улучшилось, и Антону стало доставаться меньше неприятностей. Капитан даже снял с него обязанности мусорщика, которые Абрек, услышав об этом, немедленно переложил на беднягу Дно. Но Антон заявил, что добровольно берется быть мусорщиком и дальше, при условии, что мусор он выносит только на марше. Абрек заржал и согласился, Порфирьев ничего не сказал, лишь бросил на Овечкина одобрительный взгляд и велел Дно выносить мусор тогда, когда Антон занят работой по специальности. Остальные вояки ЭК тоже оценили его решение и стали относиться к нему заметно лучше. Антон скрыл усмешку. Примитивные головоломы с примитивным мышлением. Просчитываются на раз! Стоило выразить готовность разделить с ними их низкоинтеллектуальный труд, потому что на высокоинтеллектуальный они не способны, и примитивным это понравилось. Что ж, если им от этого легче, он не против. Лишь бы не кидались на него, как на чужака. А вытащить мешок с пустыми консервными банками и рваными обертками раз в сутки Антону не сложно. Наоборот, это намного легче, чем надрываться на разворачивании базы, когда счет идет на минуты, а каждый ее элемент весит десятки килограмм.

Тем более что сейчас с этим стало гораздо проще. Брилёв выдал Порфирьеву в дополнение к имеющейся паре экзокорсетов еще четыре штурмовых комплекта. Все это обеспечили необходимым запасом элементов питания, и теперь возиться с базой будут солдаты, оснащенные усилителями конечностей. Надрывать никому не придется. Правда, закованные в экзокорсеты солдаты занимают слишком много места, поэтому половина экспедиции вынуждена ехать в кузове грузовика, и это будет проблемой на обратном пути, когда грузовик и прицеп будут забиты продуктами под завязку. Но самого Антона это не коснулось, его из вездехода выгонять не стали, потому что Инженер — это уникальный ресурс, а остальное — заботы Порфирьева. Он что-то там организовал еще на стадии переделки грузовиков на тему радиационной защиты кабин, вот пусть сам и разбирается, раз такой начальник.

— Варяг — Хаму! — затрещал помехами эфир. — Прицеп за-якорили! Оцепляю!

— Принял, — раздался в ответ знакомый рык. — Отведи людей, сейчас буду разворачиваться!

Лейтенант что-то ответил, но его слова утонули в громких помехах, видимо, он вышел из зоны уверенного приема. Антон взглянул в иллюминатор, но ничего не увидел в кромешной тьме бушующего черного снега. Он принялся двигаться от одного иллюминатора к другому и все же сумел заметить несколько мутных световых пятен. Похоже, подвести грузовик вплотную к вездеходу не удалось, и солдаты заякорили его где-то там, метрах в пятнадцати отсюда. Портативные рации скафандров в условиях сильной ионизации атмосферы цепляют плохо, а в таком урагане связь становится еще хуже, падая до двух-трех десятков шагов. Последнее время интенсивность ураганов сильно возросла, их продолжительность увеличилась, и это оказалось большей угрозой, чем ожидалось.

После технического обслуживания их вездеход на воздушной подушке, к тому же избавившийся от перманентного перегруза, оказался способен развивать неплохую скорость. По крайней мере, шестьдесят километров в час он выдавал без проблем, и Порфирьев говорил, что ехать быстрее не получается из-за

опасности столкновения. Видимость в условиях пропитавшей вечную ночь сплошной пылевой завесы слишком плохая, постоянно существует угроза столкновения, и чем выше скорость, тем выше опасность. Спорить с этим не стал никто, но Антон рискнул задать встречный вопрос:

— Олег, что мешает проложить безопасный курс? Твое снаряжение оборудовано навигационными средствами, ты же сам говорил, что прокладываешь маршрут по гирокомпасу! Мы уже трижды проходили этот маршрут, разве нельзя в четвертый раз двигаться по заранее заложенной в память безопасной траектории?

В ответ на это Порфирьев молча затащил Антона в кабину вездехода, посадил за штурвал и ткнул пальцем в сенсорную панель навигатора.

— Вот безопасная траектория, — прорычал он. — Проложена в обход пробок. Езжай!

— Я не водитель вездехода! — Овечкин попытался оправдаться, переводя взгляд с пыльной темноты за лобовым стеклом на отметку местоположения вездехода, светящуюся на тонкой черте проложенного курса. Кривой маршрут, спроецированный на лобовое стекло усилиями команды Миронова, ни о чем не говорил Антону. — У меня нет навыков вождения такого уровня!

— Их ни у кого нет, — флегматично заявил Порфирьев. — Никто не проходил обучение вождению в радиоактивной ночной пыли на глазок. Езжай! Заодно посмотрим, вдруг у тебя талант.

Пришлось подчиниться. Антон тронулся с места, осторожно набирая скорость километров десять в час, но уже через десяток секунд врезался во что-то невидимое в пылевом мраке. Оказалось, что двигаться по гирокомпасу можно очень приблизительно, ибо о смещении с траектории ты узнаешь лишь в тот момент, когда с нее уже сместился, а в условиях наглухо запыленной ночи ехать быстро попросту страшно, потому что ничего не видно, и с маршрута выскакиваешь чуть ли не постоянно. Вместо езды по прямой получается движение рваными зигзагами, и хорошо, если обходится без столкновений. Антон был вынужден признать свою ошибку и попросить остановить